

Р.К. Баландин

ОХОТА НА ИМПЕРАТОРА

*Тайны
Российской
Империи*

Рудольф Константинович Баландин

Охота на императора

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440045

*Р.К. Баландин «Охота на императора», серия «Тайны Российской империи»: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4461-6*

Аннотация

История покушений на императора Александра II завершилась, как известно, его убийством. Почему целью террористов стал император, отменивший крепостное право и проводивший либеральные реформы? Кто готовил покушения на его жизнь и как свершилось преступление? Какие цели преследовали организаторы и каковы последствия убийства Александра II? Эта история – реальная трагедия не только отдельных личностей, но в первую очередь всего общественного устройства. Она свидетельствует о серьезных недугах общества, приведших в конце концов к кровавой развязке 1917 года.

Содержание

Убийство во имя идеи	4
Глава 1	11
Первые выстрелы	11
Главные действующие лица	23
Преступление и наказание	31
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рудольф Баландин

Охота на императора

Убийство во имя идеи

1

Убийство человека – одно из наиболее тяжких уголовных преступлений. Убийство крупного сановника, правителя – преступление еще и тяжкое политическое.

В первом случае есть немало смягчающих вину обстоятельств. Во втором такое обстоятельство только одно: свержение существующей власти. В остальных случаях преступников ждет самое суровое наказание.

Подготовить и осуществить убийство частного лица в государстве с отлаженной системой расследования преступлений, – задача не из легких. Но она вдесятеро сложнее, когда речь идет о высшем должностном лице, о верховном правителе. Тут противостоят преступникам не только охранники, но и профессиональные сыщики, следователи, полицейские, а в сущности, вся система министерства внутренних дел.

Убийце-уголовнику самое трудное – продумать свои действия так, чтобы замести следы преступления. Организаторо-

ры политических убийств более всего озабочены тем, чтобы их замысел не был раскрыт заранее, прежде чем удалось осуществить задуманное. Они понимают, что у них мало шансов остаться в живых.

И все-таки недостатка в политических убийцах не было. Особенно – в России XIX века. Не потому, что наш народ склонен к жестоким расправам. Тут даже о характере народа и речи быть не может.

До XX века в русском народе отношение к царям было уважительное. Не потому, что все верили в божественное происхождение царской власти. Люди понимали: конкретное зло, несправедливость, жестокость творят представители местной власти, помещики, купцы, промышленники. Только царь может призвать их к ответу, наказать, урезонить. Или – самосуд.

Многочисленные крестьянские бунты были направлены не против царя и самодержавия. Почти все бунтари оставались, по выражению И.В. Сталина, «царистами». Даже предводителю крупнейшего восстания Емельяну Пугачеву пришлось выдавать себя за Петра III, а то народные массы могли бы и не пойти за ним. Ведь он не имел никаких прав на высшую власть над страной: ни по законам самодержавия, ни как выдающийся государственный или военный деятель – благодетель или спаситель Отечества.

Так почему же появились – и в немалом числе – желающие совершить цареубийство? И почему целью террористов стал

император, по праву получивший имя Освободителя, отменив крепостное право? Как готовились покушения на его жизнь и как свершилось преступление? Кто были эти злодеи? Какими целями они руководствовались? Какими были последствия убийства императора?

Эти вопросы нам предстоит обдумать.

История покушений на императора Александра II, завершившихся его убийством, не должна быть криминальным чтивом, подобием захватывающего детектива. Это – реальная трагедия не только отдельных личностей или семей, но и всего общественного устройства. Она свидетельствует о серьезных его недугах, приведших к летальному исходу (имея в виду царскую власть в России).

2

Много ли сласти в царской власти?

Для русских правителей она слишком часто была нелегким и смертельно опасным бременем. Главная опасность долгое время исходила от людей своего круга: бояр, вельмож, знати, высшего дворянства. Убийство императора Петра III и воцарение Екатерины II, убийство императора Павла I, восстание декабристов – три ярких примера. Они показали, что от «священной особы Государя» можно избавляться насильственным образом.

В XIX веке образованная часть российского общества

окончательно разуверилась в божественной основе царской власти. Но в народе все еще сохранялась вера в «батюшку-царя».

Анархист – из богатых дворян – Михаил Бакунин писал в 1873 году: «Русский народный идеал омрачен тремя... чертами, против которых поэтому мы всеми силами должны бороться и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность, 2) поглощение лица миром, 3) вера в царя.

Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально-православную или сектантскую, но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе.

...Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что религиозность в народе можно убить только социальной революцией. <...>

Мы указали на три несчастные черты, омрачающие главным образом идеал русского народа. Теперь заметим, что две последние: поглощение лица миром и богопочитание царя, собственно, вытекают, как естественные результаты, из первой, т. е. из патриархальности, и что поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами.

Оно искажило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой.

<...>

Воображаемый царь – отец, попечитель и благодетель народа – помещен высоко, высоко, чуть ли не в небесную даль, а царь настоящий, царь-кнут, царь-вор, царь-губитель своего государства, занимает его место. Из этого вытекает, естественно, тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве.

Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись...

Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом, а лица, временно избираемые самим народом: головы, старосты, десятские, старшины, – превратились, с одной стороны, в орудия власти, а с другой, в подкупленных слуг богатых мужиков-кулаков. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до

конца придавленных».

Вывод очевиден: необходимо всеми возможными способами избавиться прежде всего от царя как олицетворения всей государственной системы Российской империи. И если Бакунин не призывал к цареубийству, то было немало решительно настроенных террористов-революционеров, готовых если не осуществить, то приветствовать такую акцию.

3

Императору Александру II было, можно сказать, predetermined стать первой высокопоставленной жертвой революционного террора. Для этого был целый ряд предпосылок, прежде всего связанных с особенностями развития Европейской цивилизации, России, а также эволюцией общественного сознания.

Об этих наиболее общих причинах мы еще поговорим. А сейчас подчеркнем частную причину – личность Александра II. На его трагической судьбе парадоксальным образом сказались именно достойные черты его характера: мужество, самообладание, стремление ввести демократические элементы в государственную систему.

Он отменил крепостное право, и эту акцию приветствовали русские революционеры, отвергавшие террористические методы, в частности, А.И. Герцен.

Но те, кто стремился обострить противоречия в россий-

ском обществе, искусственно нагнетая революционную ситуацию, восприняли путь либеральных реформ резко отрицательно. Для них убийство императора казалось наилучшим способом расшатать государственную систему, вызвать встречную волну полицейского террора и, возможно, начать гражданскую войну.

То, что Александр II был человеком не робкого десятка, показывает такой случай. Однажды на охоте он выстрелил в медведя и ранил его. Зверь смял охотника, бросившегося вперед с рогатиной. Царь, не потеряв самообладания, подошел к медведю и застрелил его в упор. (Отдавая должное императору, следует помнить и о мужестве медвежатника.)

Писатель В.Г. Короленко имел все основания назвать Александра II «лучшим царем из дома Романовых». По-видимому, так оно и было, если иметь в виду те «послабления», которые он дал крестьянству при значительном ослаблении судейского бесправия. Хотя как государственный деятель Петр I Романов был для России важнейшей фигурой (его жестокость была проявлением не только жестокости характера, но и жестокостей того времени).

Не по стечению обстоятельств, а по неумолимому ходу эволюции государства, социальных слоев и общественного сознания именно этого «лучшего царя» из династии Романовых ждала печальная участь. Почему? Кто и как покушался на его жизнь? В этом нам предстоит разобраться.

Глава 1

На прицеле – Император

Первые выстрелы

В ту пору, когда многие страны Западной Европы провозгласили, закрепив в конституциях, демократические свободы, в Соединенных Штатах Северной Америки сохранялось рабство, а в России – крепостное право.

Политические свободы вовсе не исключали (так же как не исключают и теперь) реальное экономическое рабство и бесправие бедняков. Однако это не мешало в середине XIX века правителям крупнейших держав Европы вести идеологическую борьбу против России как «империи зла», попирающей права человека.

При этом, правда, обычно имелся в виду не русский крестьянин или рабочий, а польские националисты. Хотя именно в Польском царстве с правами личности положение было лучше: там не было крепостного права, существовали органы самоуправления.

Самодержавие предполагает четкую иерархию, подобную пирамиде, на вершине которой находится царь как олицетворение власти. Все подданные формально одинаково зави-

сят от его воли.

Таково своеобразное равенство при диктатуре личности. В принципе оно ничуть не лучше равенства при демократии. Просто в первом случае имеют привилегии те, кто находится ближе к трону, на верхних ступенях социальной иерархии, а во втором, помимо крупных чиновников еще и богачи.

Это простейшая схема. Казалось бы, какая разница, кто руководит страной: унаследовавший этот пост или избранный большинством граждан? Всегда будут недовольные правителем и даже те, кто желал бы его убить. Об этом свидетельствуют многочисленные покушения как на королей и царей, так и на президентов.

И все-таки покушение на жизнь императора, выражаясь по-современному, престижнее. Это уже посягательство не просто на частное лицо или представителя какой-то партии, а на всю государственную систему. Это – акт революционного террора, имеющего целью разрушить всю иерархию власти, установить новое общественное устройство.

В этом случае не имеет никакого значения, кто именно стоит во главе империи. Более того, для террористов предпочтительней убить именно славного, достойного государя, а не какое-нибудь ничтожество. Недаром в истории прославлен убийца Юлия Цезаря, последние слова которого – «И ты, Брут» – стали крылатым выражением.

На ситуации в России могла сказываться «психическая эпидемия» покушений, прокатившаяся в предшествующие

годы по миру. 14 января 1858 года республиканец Феличе Орсини, борец за независимость и единство Италии, попытался бросить бомбу в карету императора Наполеона III, считая его угнетателем итальянского и французского народа, врагом Италии и Европейской демократии. Акция не удалась, Орсини был схвачен и казнен. Он надеялся этим убийством зажечь революционный пожар в Европе. Ответом было усиление реакции.

В Америке в 1865 году был застрелен президент Линкольн. Рабочий Гедель, а затем доктор Нобилинг стреляли в императора Германии. Испанский рабочий Монкаси попытался убить короля Альфонса XII. Повар Пасанате бросился с ножом на итальянского короля.

Первое покушение на российского императора осуществил русский революционер, да еще дворянин (не из богатых). И произошло это несмотря на то, что именно Александру II выпала историческая миссия освобождения крестьян от крепостного права. Эту реформу пришлось ему подготавливать много лет вопреки противодействию крупных влиятельных помещиков.

Но не только они были раздосадованы, а то и озлоблены его реформами. Для революционеров-террористов, стремящихся расшатать, а затем разрушить до основания существующую систему, он стал особо привлекательной целью. Можно даже сказать – добычей, ибо с некоторых пор они начали охотиться за ним с жестоким охотничьим азартом.

Отправной точкой революционного террора в России вообще, а в частности, направленного непосредственно против самодержца, стал выстрел Каракозова в Александра II. Как говорится, лиха беда начало.

Это произошло в 1866 году, через пять лет после эпохальной отмены крепостного права (март 1861). Это покушение на императора было акцией одиночки без хорошо продуманного плана и с небольшими шансами на успех. В то же время оно стало результатом активной революционной пропаганды, которая к тому времени стала набирать силу. О ней следует сказать особо.

...Как известно, расследование тяжкого уголовного преступления начинается с вопросов «кому это выгодно», каковы мотивы преступника, был ли это продуманный поступок или произошло случайное стечение обстоятельств, не действовал ли рецидивист-профессионал и т. д.

Политические преступления чаще всего совершаются не из личной выгоды, имеют более или менее очевидные причины, не бывают случайными, а преступник руководствуется прежде всего идейными соображениями. При расследовании таких преступлений наиболее важно выяснить их причины в контексте общественных отношений, социально-политической ситуации в стране, особенностей массового сознания и его разновидностей...

Нередко на первый план выдвигают экономические факторы. Они, конечно, сказываются, однако именно политиче-

ские преступления особенно ярко высвечивают значение духовных факторов, а не материальных. Причем не только в общественной жизни вообще, но в определенной среде и у определенных типов личности.

Революционные настроения во многих странах (Россия – не исключение) находят наиболее благодатную почву среди студенчества. Это естественно. Учащуюся молодежь всегда вдохновляют радикальные идеи, проникнутые романтикой решительных преобразований, бурных событий; не имея навыков созидания, она охотно соглашается разрушать существующий порядок. Азы высшего образования способствуют росту самомнения при слишком упрощенных представлениях о жизни природы и общества.

Большинство студентов впервые начинают самостоятельную жизнь, и пьянящее ощущение свободы склоняет их к анархизму. Тем более что у молодежи обычно притуплено чувство ответственности за свои поступки. Наконец, сказываются нетерпение и оптимизм юности: надо решительно действовать, а там будь что будет, пан или пропал, авось, обойдется...

Помимо всего прочего на революционные настроения в России немалое влияние оказывали веяния из Западной Европы. В крестьянской феодальной России происходили народные бунты и дворцовые перевороты, тогда как революционная идеология была порождением западных мыслителей и буржуазной демократии. Студенты, более чем кто-ли-

бо, жадно воспринимали их, не считаясь с отечественной историей и действительностью.

Первое русское покушение на жизнь Александра II было подготовлено именно такими обстоятельствами. Другой, сколько-нибудь профессиональной, подготовки к убийству не было.

В студенческой среде возникли очаги революционной агитации, где обретали популярность идеи террора и прежде всего цареубийства как наиболее верного способа свергнуть самодержавие.

...19 мая 1862 года московский обер-полицмейстер доносил генерал-губернатору, что «неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительно-го социального содержания воззвания под заглавием «Молодая Россия» (Феличе Орсини, покушавшийся незадолго до этого на императора Франции, в юности был членом тайной революционной организации «Молодая Италия».)

Вот некоторые фрагменты прокламации:

«Россия вступает в революционный период своего существования...

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа – народа, угнетаемого и ограбленного всеми, у кого в руках есть хоть доля власти; народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность – землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на

пользу государства, а на увеличение распутства двора...

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную им от своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости и в то же время... дарит по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неуязвимой славой побед над безоружными толпами крестьян; чиновникам, вся заслуга которых – немилосердный грабеж народа...

Это всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия – народ.

Сверху над ней стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это помещики, предки которых или они сами были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренных при отставке; это купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это чиновники, нажившие себе состояния, – одним словом, все имущие, все, у кого есть собственность, родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один – уничтожится и другая».

Последнюю фразу толковать можно по-разному. Наиболее явный и наивно простой вывод: надо убить императора, и рухнет вся государственная система, как карточный домик. Подумав, придется согласиться, что власть в стране держится вовсе не на нем, стоящем на верху иерархической пира-

миды, а на всех тех, кто упомянут с ним заодно. И это, конечно же, понимал автор манифеста. Он писал:

«Выход из этого гнетущего, страшного положения... один – революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!

...Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах.

...Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинем на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т. е. какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться – и это последнее вернее, – что вся императорская партия как один человек встанет за

государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ли ей самой или нет.

В этом последнем случае с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «В топоры!» – и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет он нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами».

Что на это скажешь? Сурово, уверенно, жестоко, вдохновенно, во многом справедливо и пророчески верно. Если не считать, что до победоносной революции, а затем кровавой гражданской войны оставалось еще 55 лет.

Появилась прокламация в чрезвычайно неудачное время. Вскоре после ее появления, в Духов день 26 мая, вспыхнул страшный пожар Апраксина двора в Петербурге и перекинулся на некоторые другие здания. В народе прошел слух, что сделали это революционеры, студенты (виновники пожара так и не были обнаружены). Затем произошло несколько громких событий.

Русский офицер стрелял в варшавского наместника графа Людерса, а когда его сменил великий князь Константин

Николаевич (наиболее активный деятель по освобождению крепостных крестьян), то 26 июня последовало покушение и на него. В августе польские националисты устроили покушение на маркиза Александра Велепольского, вице-председателя Государственного совета царства Польского.

Все эти совпадения обеспокоили царское правительство и не на шутку напугали всех, опасавшихся революции на западный манер (хотя в России издавна вспыхивали только бунты, да были дворцовые перевороты). Отозвался из своего лондонского далека Александр Герцен: «В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий, – террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, – помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс...

«День» запрещен, «Современник» и «Русское слово» запрещены, воскресные школы заперты, Шахматный клуб заперт, читальные залы заперты, деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны, типографии отданы под двойной надзор, два министра и Третье отделение должны разрешать чтение публичных лекций; беспрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты в казематах...

Оставляя в стороне *смирительную* литературу и будущих жильцов смирительного дома, мы обращаемся к действительно честным, но слабым людям и спрашиваем их: они-то

чего испугались «Молодой России»? Добро бы они верили, что русский народ так и схватится за топор по первому крику: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская» «Нет, они все хором твердят, что это невозможно, что народ этих слов не понимает и, напротив, озлобленный за пожары, готов растерзать тех, которые их производят».

Вот уж поистине страх лишает рассудка. Наибольший вред государству от прокламации запальчивой и заносчивой, но по сути беспомощной, наносила именно такая нервная и непомерно сильная реакция. Если в ответ на слабый возглас разносятся громогласные вопли, если в ответ на детскую хлопушку следуют пушечные выстрелы (из пушек по воробьям), то не удивительно, что общество содрогается.

Герцен справедливо заметил, что «Молодая Россия» — *«вовсе не русская*; это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции». Она неуместна и несвоевременна, что усугубило ее совпадение с пожарами. «Ясно, что молодые люди, писавшие ее, больше жили в мире товарищей и книг, чем в мире фактов... Речь их такую и вышла, в ней нет той внутренней сдержанности, которую дает или свой опыт, или *строй организованной партии*».

И все-таки эту прокламацию запоем читали, переписывали и передавали из рук в руки именно те, к кому она была обращена — романтически настроенная русская молодежь,

преимущественно студенты. В подобных случаях остается только дожидаться момента, когда отчаянный одиночка или сплоченная группа единомышленников постараются перейти от слов к делу.

Правда, какого-нибудь серьезного организованного выступления быть не могло за неимением соответствующей политической партии и полной отрешенности русского народа от подобных идей. Оставался лишь путь политического террора. В этом случае самой заманчивой целью был верховный правитель Российской империи.

Первым в ряду покушавшихся на жизнь царя суждено было стать Дмитрию Каракозову.

Главные действующие лица

Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866) происходил из мелкопоместных дворян Саратовской губернии. Поступил учиться на юридический факультет Казанского университета. Его исключили за участие в студенческих волнениях; правда, спустя год восстановили. Он перешел в Московский университет, но через несколько месяцев был отчислен за невнесение платы за обучение.

У него, безусловно, были причины относиться без уважения или даже с ненавистью к существующему в России общественному укладу. Хотя он и принадлежал к привилегированному классу, но был беден. Однако, вступая на революционную стезю, он вряд ли руководствовался исключительно личными мотивами. Покушение на императора ничего хорошего ему не сулило.

К этому решению Каракозов пришел не сразу. Поначалу его увлекла борьба за студенческие свободы. По-видимому, на него произвели большое впечатление революционные события в Западной Европе и, главным образом, во Франции.

О причинах его решения переехать в Москву сказать трудно. Скорее всего, сыграла свою роль давняя дружба с его двоюродным братом Иштутиным, человеком незаурядным.

Николай Андреевич Иштутин (1840–1879) был потомственным почетным гражданином города Сердобска Сара-

товской губернии. С детства был решительным, бойким, общительным, любил и умел властвовать над сверстниками. Под его влиянием находился и Дмитрий Каракозов, отличавшийся нервностью, нерешительностью, внушаемостью.

В 1863 году Ишутин поступил вольным слушателем в Московский университет. Вскоре он организовал революционный кружок, назвав его загадочно – «Организация»). В это тайное общество входили студенты университета и Петровской сельскохозяйственной академии, преимущественно разночинцы. Их вдохновляли идеи Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, а также западных социалистов.

Правда, сам Ишутин, возможно, увлечен был прежде всего своей ролью руководителя и вдохновителя группы заговорщиков. Ему нравилось чувствовать свое превосходство над простыми обывателями, студентами, вести двойную жизнь, не считаясь при этом с нравственными нормами.

«Ишутинцы» мечтали, сохранив в стране традиционный российский уклад, перестроить его на принципах социализма. По их мнению, российское общество должно строиться на началах крестьянских общин и кооперативных артелей. Для этого надо было сокрушить существующий строй, свергнуть царя. Однако такие цели приходилось скрывать от большинства участников кружка. Ишутин понимал: в народе радикальные меры не найдут поддержки.

Почему? Население по большей части бедствует, едва сводя концы с концами; находящиеся «при власти» несправедно

богатеют, нередко за счет казнокрадства. Разве плохо отказаться от такого государственного устройства?

В данном случае, как это часто бывает, сказывалась распространенная в массах легенда о том, что верховный правитель хорош, а дурны его подчиненные, чиновники. Отчасти мнение было справедливое. Тем более что убийство царя само по себе могло бы принести народу не освобождение, а дополнительное порабощение. Кто знает, какой человек воссядет на трон? И почему бы ему быть добрее своего убиенного предшественника?

Однако все это оставалось в области мечтаний. В сущности, кружковцы никак не были связаны с народом. Пора было действовать. Но что предпринять? В сущности, они были слабы для серьезных выступлений. Именно это подвигло их на индивидуальный террор.

На основе своего кружка Ишутин стал сколачивать группу с характерным названием «Ад». Ближайшей ее задачей было цареубийство и уничтожение предателей, после чего, как предполагалось, народ встряхнется от вековой спячки и сбросит иго эксплуататоров. Или, во всяком случае, на престол взойдет государь более либерального направления и проявивший больше заботы о русском народе.

А.А. Шилов, один из авторов многотомника «Деятели революционного движения в России», выходявшего с конца 1920-х годов, так характеризовал Николая Ишутина на основе имевшихся документов: «Ишутин как-то не подходил под

общее представление о российских революционерах, и если с кем-то его можно сопоставить, то только с Нечаевым, одинаково окружавшим себя таинственностью и также неразборчивым в средствах...

Кинжал, веревка, смерть за непослушание и измену – вот средства, рекомендованные Ишутиным. «Кто не за нас, тот против нас!» – постоянно говорил он в подобных случаях. От него исходили предложения об убийстве, отравлении, ограблении в целях добывания средств». Он утверждал, что цель оправдывает средства, а террор – лучший способ вызвать крестьянское восстание и заставить правительство отказаться от самодержавия в пользу социализма.

Трудно сказать, насколько глубоко и серьезно верил Ишутин в те принципы, которые внушал своим соратникам. Во всяком случае, сам он не решился организовать покушение на императора.

Был еще один человек, которого также можно считать одним из первых идеологов революционного террора в России и вдохновителем Каракозова – Петр Григорьевич Зайчиевский (1842–1896), автор прокламации «Молодая Россия». Он принадлежал к среднепоместным дворянам Орловской губернии. Проявил способности к естественным наукам и в 1858 году поступил на физико-математический факультет Московского университета.

Зайчиевский увлекся революционными идеями. После разгона в феврале 1861 года демонстрации в Варшаве с тре-

бованием отделения Польши от России он во время мессы по убитым ее участникам произнес речь, предлагая объединить усилия русских и польских борцов за свободу. В том же году он вместе со студентом юридического факультета П.Э. Аргиропуло организовал подпольный революционный кружок.

Во время летних каникул он вел пропаганду среди крестьян Подольского и Мценского уездов, призывая к неповиновению властям и общинному землевладению. В народе его речи не нашли отзвука. Хорошо еще, что его не передали полиции.

Но эта участь Зайчиевского не миновала. За ним учредили негласный надзор и в одном из перехваченных его писем Аргиропуло обнаружили революционные высказывания. Материал представили императору. Он наложил резолюцию: «Письмо это столь преступного и опасного содержания, что считаю необходимым арестовать немедленно и того, и другого и выслать их со всеми их бумагами сюда».

Судя по тому, что дело было доложено в высшую инстанцию, оно было из ряда вон выходящим. Арестованного Зайчиевского доставили в Петербург, допросили и отправили в Москву. Находясь в заключении, двадцатилетний революционер не пал, а напротив, воспрянул духом и сочинил прокламацию «Молодая Россия», фрагменты которой приведены выше.

В 1862 году его приговорили к 2 годам 8 месяцам каторги. Отбыв ее в Усольском соляном заводе (Иркутская губер-

ния), он находился на поселении в Забайкалье до 1869 года, после чего вернулся в Европейскую Россию. Здесь он продолжал революционную пропаганду, создавал тайные кружки. В 1889 году его вторично арестовали и судили. Два года он провел в тюрьме, после был сослан в Иркутск на 5 лет. Работая в иностранном отделе газеты «Восточное обозрение», он продолжал вести революционную пропаганду. Последний год жизни провел в Смоленске.

Петр Зайчиевский был одним из наиболее ярких идеологов насильственного свержения существующего строя любыми средствами, а Николай Ишутин попытался приступить к реализации «революционного проекта».

После ареста, давая показания в Следственной комиссии, он утверждал, что целью созданной им «Организации» была пропаганда социалистических идей в народе, сближение с крестьянами и рабочим классом, устройство артелей и агентурной сети. По его словам: «Государственные вопросы решаются с рассмотрения депутатов всех обществ или областей. Государь есть полный выразитель общественных нужд и потребностей страны».

Судя по всему, тут он лукавил, стараясь избежать обвинения в подготовке убийства императора. Он даже утверждал, будто «никогда не имелось в виду цареубийство». Впрочем, членов «Организации» действительно могли не информировать о такой террористической акции. Ее предполагалось осуществить членами глубоко законспирированной группы

«Ад», о которой мы уже упоминали.

«Цель этого кружка была царевубийство, — сказал Ишутин, — в случае, ежели правительство не согласится с требованиями. Член «Ада» должен отчуждаться от всех порядочных людей и, чтобы отвлечь от себя подозрения правительства, сделаться абсолютными негодяем, взяточником и вообще окружить себя самой гадкой обстановкою... Для пробы характера и нравственной силы членов, третью часть членов по жребию сделать доносчиками... В случае революции члены «Ада» не должны делаться вожаками... Член «Ада» должен был в случае необходимости жертвовать жизнью своею, не задумавшись. Жертвовать жизнью других, тормозящих дело и мешающих своим влиянием... Член «Ада» должен жить под чужим именем и бросить семейные связи; не должен жениться, бросить прежних друзей и вообще вести жизнь только для одной исключительной цели».

И хотя этой целью Ишутин называл благо родины, совершенно непонятно, почему ради этого надо сделаться абсолютным негодяем? (Позже такую роль играл знаменитый провокатор эсер Азеф.) Разве не целесообразнее стать скромным служащим, обывателем, семьянином? Кто заподозрит в таком субъекте свирепого революционера? И почему надо брать взятки? Не ради же материальной поддержки революции (ведь члены «Ада» слишком конспиративны и не должны общаться с порядочными людьми), а для того, чтобы вести распутную разгульную жизнь.

Создается впечатление, что втайне от самого себя Ишутин мечтал жить вне законов не только государственных, но и нравственных, вкушая все прелести разврата во имя «высшей цели». Для него, атеиста, ад был не посмертной карой за грехи, а олицетворением всевозможных грехов, среди которых есть и весьма привлекательные.

...Итак, в 1862–1865 годах в кругах российских студентов витала идея убийства императора. И если такие, как Петр Зайчиевский, имели в виду теоретическую возможность цареубийства, то Николай Ишутин начал создавать террористическую организацию, а Дмитрий Каракозов решился посягнуть на жизнь Александра II, не дожидаясь, когда в стране сама собой возникнет революционная ситуация. Возможно, он считал, что после его выстрела она и появится.

Преступление и наказание

Принято считать, что бытие определяет сознание. Для многих, называемых обычно обывателями, так оно и есть. Они приспособливаются к существующей в обществе ситуации, можно сказать, плывут по течению житейского моря.

Но для людей, увлеченных идеями, имеющих общественные и личные идеалы, к которым они стремятся, сознание определяет бытие, судьбу, а то и смерть. Для Дмитрия Каракозова было именно так.

Никакой личной смертельной ненависти к императору России у него не было. Убить его он решил из «высших соображений» под влиянием Николая Ишутина с его пропагандой революционного террора. Такова была общая идейная установка. Но помимо этого сказались и другие факторы.

«С моей точки зрения, – писал А.А. Шилов, – требует более серьезного изучения и чисто медицинский аспект поступка Каракозова. Как известно, незадолго до покушения он лежал в клинике Московского университета, считая себя неизлечимым больным, подумывал и говорил о самоубийстве. Попытку самоубийства он совершил, находясь в заключении. Почти все, общавшиеся с Каракозовым, находили его, по меньшей мере, странным».

Об этом свидетельствует и то, что после попытки самоубийства он тем не менее подал прошение царю о помило-

вании. По-видимому, как у многих невротиков, у него резко менялось настроение, а порой обуревали навязчивые идеи. Могла сыграть свою роль и его мнимая или реальная неизлечимая болезнь, вызвав желание завершить жизнь героически.

Накануне покушения он написал и распространял прокламацию «Друзьям-рабочим!». В ней он писал:

«Грустно, тяжело мне стало, что так погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел, – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужичку. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их. Пусть узнает русский народ своего главного могучего врага – будь он Александр второй или Александр третий и так далее, это все равно. Справится народ со своим главным врагом, остальные мелкие – помещики, вельможи, чиновники и богатеи струсят, потому что число их вовсе незначительно. Тогда-то и будет настоящая воля».

Короче, чтобы «из искры возгорелось пламя», чтобы начались революционные выступления рабочих и крестьян, он решил убить царя. Правда, поведение Каракозова во время и после покушения было вовсе не героическим. Он вел себя как человек, слабо владеющий собой, испытывший силь-

ное потрясение и забывший в результате принципы, которые провозгласил в своей недавно написанной прокламации.

Как гласил обвинительный акт Верховного Уголовного суда, обстоятельства дела были таковы:

«4 апреля 1866 года, около 4 часов пополудни, когда Государь Император, по окончании прогулки в Летнем саду, выйдя на набережную р. Невы, приблизился к своему экипажу, неизвестный человек, стоявший в толпе народа, собравшейся у ворот сада, выстрелил в Священную Особу его Императорского Величества.

Провидению было угодно сохранить драгоценную для России жизнь возлюбленного монарха.

Крестьянин Костромской губернии, Буйского уезда, Молвитинской волости, села Молвитина, Осип Комиссаров, стоявший в толпе народа, увидевший направленный в Государя Императора пистолет, толкнул преступника в локоть, вследствие чего пуля пролетела над головою его Величества.

Сделавший выстрел побежал вдоль Невы, по направлению к Прачешному мосту, но был задержан городовым, унтер-офицером дворцовой команды Степаном Заболотиным (бляха № 66), который вырвал у него двуствольный пистолет, другой курок которого был взведен, и унтер-офицером жандармского эскадрона Лукьяном Слесарчуком и доставлен в III отделение собственной его Императорского Величества канцелярии».

Государь записал в дневнике об этом событии кратко «Гу-

лял с Марусей и Колей (детьми. — *Р.Б.*) в Летнем саду... выстрелили из пистолета, мимо... Убийцу схватили... Общее участие. Я домой — в Казанский собор. Ура — вся гвардия в белом зале...»

При задержании Каракозов назвал себя крестьянином одной из южных губерний Алексеем Петровым. При нем оказались: две прокламации «Друзьям рабочим!»; фунт пороха и пять пуль; стеклянный пузырек с синильной кислотой, порция стрихнина и 8 порошков морфия. Все это — сильнодействующие яды.

Принято считать, что решение стрелять в императора Каракозов принял самостоятельно. Но тот факт, что он имел при себе прокламацию и яд, свидетельствует о следовании правилам, которые Ишутин предписал членам «Ада»: в случае необходимости покончить с жизнью, имея при себе только революционную листовку, а чтобы труп не опознали, разгрызть капсулу с гремучей ртутью, произведя взрыв. Не имея такой капсулы, Каракозов обзавелся ядом.

Но тут проявляются странности его поведения. Из двустольного пистолета при дополнительных пяти зарядах он сделал лишь один выстрел, дав промах. После этого не застрелился на глазах ошеломленной публики, не принял яд хотя бы одного типа, а то и всех трех, выкрикнув предсмертные призывы, а бросился наутек, словно нашкодивший мальчишка. Слыша шаги догонявших, он не выстрелил в них, а когда его схватили, не оказал сопротивления.

На следствии его, по-видимому, пытали, в частности, лишением сна. Так полагал П.А. Кропоткин, слышавший об этом от одного офицера.

Суд приговорил Каракозова к повешению. На его прошении о помиловании Александр II наложил резолюцию: «Лично в душе моей давно простил ему, но как представитель Верховной власти, я не считаю себя в праве прощения подобного преступника».

Каракозова казнили при огромном стечении народа 3 сентября 1866 года на Смоленском поле в Петербурге, на краю Васильевского острова.

Ишутина арестовали по тому же делу и судили, приговорив к смертной казни как «зачинщика замыслов о цареубийстве». На следующий день после казни его двоюродного брата на то же лобное место с виселицей доставили под конвоем Николая Ишутина. Подержав его у позорного столба, надели на него саван, накинули на шею петлю.

В последний момент, как бывало не раз, подъехал фельдъегерь и привез пакет с царским помилованием. Испытание страхом смерти не прошло для него даром. В Шлиссельбургской крепости он стал проявлять признаки психического расстройства. Его отправили в Сибирь на пожизненные каторжные работы. После ареста он прожил всего 7 лет, не дотянув до сорокалетнего возраста.

Возможно, помилование он получил за то, что выдал участников своей тайной «Организации». Во всяком случае,

всех их арестовали и судили. Один из них, Дмитрий Юрасов (1842–1918), на следственной комиссии показал, что после появления плана особо тайного кружка «Ад», некоторые члены «Организации» высказались против, и осуществление этого адского плана постоянно откладывали. «Когда же Каракозов, – сказал Юрасов, – сообщил кому-то из живущих со мной о своем преступном намерении и пропал из Москвы, тогда сделалось ясно, что словами нельзя шутить!» (Юрасова приговорили к бессрочной каторге, сокращенной до 10 лет.)

Покушение Каракозова стало триумфом Осипа Ивановича Комиссарова (1838–1892). Этот московский мастеровой из крестьян был возведен в дворянское достоинство и награжден деньгами как спасший жизнь императора. Хотя уже тогда высказывались резонные сомнения в этой официальной версии, более всего похожей на ловкий пропагандистский прием.

Действительно, если Осип Комиссаров толкнул Каракозова, помешав ему сделать прицельный выстрел, то почему не схватил преступника за руку? Почему не задержал его на месте преступления? Или если опешил, почему тотчас не бросился за ним вдогонку?

Промаш Каракозова проще всего объяснить тем, что он не умел хорошо стрелять и вдобавок сильно волновался. Даже хладнокровный убийца без предварительных тренировок имеет мало шансов попасть навскидку в движущуюся цель с

расстояния в 20–30 м. А тут вовсе не хладнокровный убийца, а нервная неуравновешенная личность, и не мишень, а человек.

Судьбоносным выстрел Каракозова оказался не только для него, но и для императора.

От этого покушения на убийство никто не пострадал. Александр II даже не испытал сильной моральной травмы. Тем не менее посмеявшийся посягнуть на его жизнь был казнен.

Трудно сказать, почему Александр II решил подписать смертный приговор Каракозову. Ссылка на то, что сделал он это не по личным мотивам, а как представитель верховной власти, ничего не объясняет. Именно как самодержец он мог помиловать преступника.

Странно, что никто ему не объяснил пользу такого решения. Оно много бы изменило в революционном движении. Казнь Каракозова не могла напугать террористов. Она лишь укрепила их в мысли покончить с императором-злодеем. Тут уже был уместен призыв: кровь за кровь, смерть за смерть. Ведь казнили человека, не пролившего кровь, никого не убившего и даже не ранившего!

Да, он посмел посягнуть на жизнь священной особы. Но ведь священна она, эта особа, именем всемилостивейшего Бога, завещавшего прощать врагов своих, не воздавать злом за зло, дабы оно не возрастало в мире. С этих позиций христианского смирения и прощения императору следовало помиловать Каракозова.

Ясно, что политик, государственный деятель, а тем более самодержец не может всегда и во всем следовать религиозным заповедям. (В личной жизни Александр II, подобно всем другим императорам, не раз нарушал их.) Но в данном конкретном случае бессрочная каторга или пожизненное заключение в крепости были бы не бог весть какой царской милостью. Зато в общественном мнении, а особенно в народе, такой поступок вызвал бы одобрение и умиление, моральный авторитет царской власти поднялся бы на новую высоту.

Это могло бы стать, пожалуй, самым сокрушительным ударом по террористам. Кто решился бы готовить очередное покушение на такого императора? если он ценит человеческую жизнь, если он милостив даже к тому, кто хотел лишить его жизни, то каким же надо быть извергом, чтобы его убить?!

Террористу необходимо оправдание своей акции. Казнь Каракозова, не причинившего никому никакого вреда, давала такое оправдание. Безусловно, и без этого нашлись бы оголтелые сторонники цареубийства. Однако им было бы трудно подыскать сообщников и над ними довлело бы общественное мнение. В такой обстановке вряд ли кто-то решился посягнуть на жизнь «милосердного» государя, а решившись, имел бы ничтожно мало шансов на успех.

Короче говоря, выстрел Каракозова, промахнувшегося в царя, мог бы стать точным попаданием в революционеров-террористов в случае отмены смертной казни для совер-

шившего это преступление. Ничего подобного не произошло, и для Александра II начался отсчет времени до трагического завершения жизни.

Сам того не желая, он поощрил своих будущих убийц.

Революционеров, отвергавших индивидуальный террор (а таких было подавляющее большинство), покушение Каракозова ошеломило и возмутило не меньше, чем сторонников самодержавия.

«Выстрел 4 апреля был нам не по душе, – писал Герцен. – Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую брал на себя какой-то фанатик. Мы вообще терпеть не можем сюрпризов ни на именинах, ни на площадях: первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». (Это замечание было опровергнуто последующими историческими событиями, вплоть до нашего времени.)

Ему ответил неистовый революционер-анархист М.А. Бакунин: «Я так же, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от цареубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию, но не удивлюсь отнюдь, что не все разделяют это мнение и что под тягостью настоящего невыносимого, говорят, положения нашелся человек, менее философски развитый, но зато и более энергичный, чем мы, который подумал, что гордиев узел можно развязать одним ударом. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в

своём уважении и должны признать его «нашим» перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников».

Не совсем прав Бакунин, предполагая «теоретический промах» у террориста. Да, безусловно, ответом на покушение было ужесточение карательных мер со стороны правительства. Но именно этого добивались некоторые теоретики индивидуального террора.

По их мнению, обострение борьбы между революционерами и их противниками должно привести в конце концов к открытому столкновению, социальному взрыву. Индивидуальный террор провоцирует аналогичные меры со стороны государства. Таким путем предполагалось вызвать дестабилизацию общества, страх перед новыми покушениями, растерянность и смуту.

Кроме того, громкие террористические акции должны были, по мнению их сторонников, напоминать властям и народу, а также просвещенным гражданам других стран, что в России действуют тайные общества революционеров, бросивших вызов самодержавию. Слабых духом это заставляло трепетать, а сильных вдохновляло на революционные подвиги (или на противодействие им).

...В период либеральных реформ Александра II большинство идейных революционеров отвергали метод террора. А желающих совершить цареубийство даже ценой собственной жизни было, по-видимому, немало. П.А. Кропоткин, член тайного кружка народников «чайковцев», свидетельствовал:

«Из южных губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александра II. Узнав об этом, некоторые чайковцы долго убеждали юношу не делать этого; но так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силой. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу утвердительно сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так твердо была настроена тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась».

Если у кого-то была надежда запугать покушениями царя и вынудить его пойти на уступки, она ни в коей мере не оправдалась. Как бы ни относиться к русским царям, трусостью они не отличались. В частности, во время покушений на его жизнь Александр II проявлял спокойствие и мужество. Но ему, пожалуй, не хватило рассудительности и трезвого расчета, чтобы использовать покушение Каракозова в своих и государственных целях. Или, вернее сказать, не было у него советника, подсказавшего правильное решение.

Либеральные реформы Александра II и относительная свобода печати вызвали «демократическое брожение» в российском обществе. Они возбудили в среде значительной части образованных сословий надежды на дальнейшую модернизацию государственной системы, вплоть до принятия конституции (к чему стремились главным образом демократы-западники) или укрепления местного самоуправления и

сельских общин, о чем мечтали славянофилы и революционеры-народники.

Время шло, а дальнейшего развития реформы царя-Освободителя не имели. Не потому, что ему чрезвычайно нравилось чувствовать себя самодержавным владыкой огромной империи. Он находился в трудном положении, опасаясь, что будут поколеблены устои российского общества, начнется борьба за власть, а там еще народные бунты, революция, распад державы.

По мнению Петра Кропоткина, Александр II был храбр перед реальной опасностью, «но он беспрерывно трепетал перед призраками, созданными его собственным воображением. Единственно чтобы охранить свою императорскую власть, он окружил себя людьми самого реакционного направления, которым не было никакого дела до него, а просто нужно было удержать свои выгодные места».

И все-таки ситуация для царя была не так проста. В его ближайшем окружении не было единства. С одной стороны на него оказывали давление влиятельнейшие представители имперской власти, привилегированные слои общества, недовольные либеральными реформами. С другой – не менее влиятельные силы стояли за дальнейшие постепенные преобразования и установление в конце концов конституционной монархии.

Высшее дворянство претендовало на свою долю «самодержавия», тогда как революционеры стремились либо

свергнуть любую власть (анархисты), либо установить народовластие (неведомо какое), либо – меньшинство – полагали, что социализм победит в России после установления буржуазной демократии.

С момента покушения Каракозова и уничтожения ишутинской «Организации» с ее «Адом» особое беспокойство стали вызывать террористы. Как показали дальнейшие события, им не удалось запугать Александра II. Но возник вопрос: как с ними бороться? В окружении императора возобладало мнение о том, что нельзя допускать каких-либо послаблений, когда и без того отмена крепостного права возбудила в обществе иллюзии о слабости самодержавия. С террористами решено было действовать такими же террористическими методами, чтобы нагнать на них страх и принудить отказаться от преступных замыслов.

...Принято повторять: история не имеет сослагательного наклонения, ее следует принимать и обсуждать только как свершившийся факт. Однако всегда остается искушение подумать: а что было бы, если бы то или иное знаменательное событие произошло иначе? Например, что было бы в случае убийства молодого Петра I и воцарения Софьи? Или в результате победы восстания Пугачева?

В связи с событиями последних полутора столетий фантазировать на темы «альтернативной истории» стало, пожалуй, проще. И в таком контексте – вновь повторяю – покушение Каракозова и его казнь выглядят одним из переломных

моментов истории России, как бы это ни показалось странным на первый взгляд.

Борьба против индивидуального революционного террора методом государственного террора, как показала практика, может обеспечить только временные победы. Ведь у революционеров-террористов именно такая цель: обострить ситуацию в стране всеми силами, даже путем отдельных неудач. Почему это не осознал и не принял к сведению Александр II, остается только догадываться.

«Плетью обуха не перешибешь», – гласит пословица. Да, конечно, одним лишь индивидуальным террором государственную власть не свергнешь, даже не пошатнешь. И это ясно сознавали теоретики и практики терроризма. Они находились в ничтожном меньшинстве и не пользовались популярностью в народе. Для них это не было секретом. Они в этом убеждались постоянно, ведя революционную пропаганду.

У террористов, как мы уже говорили, главной целью было – ожесточить власть имущих, остановить либеральные (условно говоря) реформы, усилить напряженность в обществе, вызвать на себя ответные удары властей, показать, что с самодержавием можно и нужно бороться.

Представим себе, какие были настроения в многотысячной толпе, присутствовавшей на казни Каракозова. Вряд ли все одобряли узаконенное убийство этого молодого человека, не причинившего вреда никому. Да, он достоин сурово-

го наказания, но разве по-христиански лишать его жизни? Неужели батюшка-царь в последнюю минуту не повелит отменить казнь?

Не отменил! И закачалось тело Каракозова, вздрогнув в последний раз, и многие мужики сняли шапки, а бабы крестились. Наверняка кто-то в толпе нахмурился и подумал: нет, не от Иисуса Христа царская власть, ежели она столь жестока. Были, пожалуй, и лихие головы, в которых мелькнула мысль: а что если и впрямь царя укокошат? У этого бедолаги не получилось, да ведь вряд ли он один такой отчаянный. Глядишь, не станет царя, испугаются его сатрапы, мироеды, и облегчат жизнь народа! Тут надо еще разобраться, кто прав, а кто виноват...

Так или иначе, но вряд ли эта казнь усилила в народе неприязнь к революционерам и, тем более, не испугала потенциальных террористов, которые и без того знали, что рискуют жизнью.

А как бы реагировала та же толпа, если бы в последний момент пришло помилование царем преступника, покусившегося на его священную особу? Кто-то мог бы посетовать на излишнюю мягкость власти к злодею. Да ведь и окончить жизнь на каторге или сгнить в каземате – кара жестокая, кому это не понятно. Зато православный царь показал всему миру, что для него заповеди Иисуса Христа – не звук пустой. А помилованный преступник будет молиться за него и горько раскаиваться в своем поступке. Глядишь, и кто другой,

замысливший цареубийство, остановится, одумается, побоятся гнева и презрения народного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.